

ИРИНА БАЛАШОВА

БЕСКОНЕЧНО МОЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

вторая книга из цикла бесконечности

18+

Ирина Балашова

Бесконечно мой

<https://litres.ru/73982528>

SelfPub; 2026

Аннотация

Оставив в Москве разбитые отношения с Егором Орловым, папарацци и прошлые обиды, Алиса Александрова улетает в Нью-Йорк навстречу независимости. Работа в престижном издательстве «Дал Рай» кажется ей заслуженной личной победой. Но сбежать от бешеной энергетики и собственнической любви Орлова не так-то просто: суперзвезда готов разрушить весь свой привычный мир и полететь вслед за ней, чтобы доказать — она принадлежит только ему. Однако Алиса даже не догадывается, что её побег за океан — это изощренная месть безумного кукловода, а её новый заботливый босс — лишь часть грязного плана.

Предательство близких, слепая ревность соперниц и смертельная опасность, замаскированная под роскошную жизнь в мегаполисе. Чтобы докопаться до правды и спасти друг друга, героям придется пройти через точку абсолютной темноты. Ведь только вместе они — бесконечно сильны.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	31
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ирина Балашова

Бесконечно мой

Глава 1

Пролог

Альбер Камю сказал: любовь, которая не выдерживает столкновения с реальностью — не любовь. Но что есть реальность, и что есть любовь? Раньше я не задумывалась столь глубоко над подобными вещами. Вероятно, причиной тому были розовые очки. Так принято называть то, что ограждает наше нежное сознание от реального мира. Я, пожалуй, заменю очки на шар. Розовый обволакивающий шар. В нём живётся довольно уютно, а главное — спокойно. Мир сквозь него кажется прекраснее, а некоторые вещи попросту не замечаешь. Или отказываешься в них верить. Например, что каждый второй предлагающий помощь, на самом деле нанимает тебя на крючок, смазав тот добродушной улыбкой и сладкой ложью, чтобы после поживиться на добыче. Кажется, что такое просто невозможно, ведь люди не могут быть такими коварными! Ещё больше поражаешься, если кто-то говорит, что рука об руку с тобой может стоять друг, под

маской которого таится самый страшный враг, держащий за твоей спиной нож. Да вы с ума сошли?!

Вы будете отрицать все эти страшные байки до того момента, пока розовый шар не лопнет. Это происходит рано или поздно, ведь с каждым днём его прочные стены становятся всё тоньше. Наверняка вы вспомните, когда с вами случился этот революционный перелом. Его невозможно не заметить. Звон от «лопнувшего шарика» ещё некоторое время стоит в ушах, оглушая. Это довольно неприятно, согласитесь? Вся суровая реальность сваливается на твою голову, давя громоздким осознанием.

За последние месяцы мне пришлось осознать много вещей, которые до этого заслоняла розовая пелена.

Алиса

Я изучаю глазами просторную приёмную главного редактора «Дал Рай Букс», прокручивая в голове возможные варианты ответов, чтобы унять нервозность. Серые стены удачно сочетаются с синей мебелью — обивка сияет чистотой, будто её только что почистили, — а высокие окна визуально расширяют пространство. Я люблю такие окна и с удовольствием наблюдаю за городом сквозь тонкие линии стекающих капель. Даже проливной дождь не прерывает бесконечное движение мегаполиса. Люди постоянно куда-то спешат, лавируя

между бетонными высотками. Те сливаются с мокрыми дорогами, образуя своего рода мрачную коробку, в которой мы все заключены. Впрочем, серость улиц разбавляют блики от фар и насыщенно-зелёные, напоенные влагой кустики у входа в кафе напротив. По тротуарам безостановочно плывут чёрные зонтики, упорно отталкиваясь от капель. Губ касается улыбка, когда я замечаю резвый ярко-жёлтый зонтик, идущий против толпы. Он словно разрезает чёрное полотно, двигаясь «против шерсти»; кажется, он сбился с пути, но настойчиво ищет дорогу в этой черноте. Слегка качаю головой и отворачиваюсь, вновь поймав себя на глупом метафорическом сравнении с собственной жизнью. Пора завязывать с этим.

Мои глаза встречаются с заинтересованным взглядом помощницы редактора. Она бегло улыбается. Отвечаю тем же и стараюсь смотреть в другую сторону. На стеклянном столике замечаю журналы. Беру верхний с громким названием «VOGUE» и вдруг вижу под ним своё изображение. На секунду теряюсь, не ожидая столкнуться с собой. В следующее мгновение встречаюсь с довольной ухмылкой и голубыми глазами Егора на фото. Мне хватает мгновения, чтобы ощутить режущую тоску — сердце предательски подпрыгивает к горлу. Не обращая внимания на заголовок, опускаю взгляд на его сильные татуированные руки, которыми он обнимает меня. Это фото с мероприятия, где мы в последний раз появлялись вместе. Я бы многое отдала, чтобы вновь по-

чувствовать прикосновение этих рук — таких трепетных и жаждущих. Сглатываю и наконец читаю кричащий заголовок:

«В стране чудес разлад? Егор Орлов и Алиса Александрова расстались?»

Вновь и вновь изучаю буквы, извергнутые остроумным редактором. От подобного заголовка хочется закатить глаза. Уверена, под обложкой — полнейшая какофония из догадок. Что это за журнал? Откладываю «VOGUE» и беру издание потоньше, недельной давности. Открываю десятую страницу. Здесь статья на два разворота и фотографии Егора — не только со мной, но и с другими девушками. Среди них и его бывшая, Яна. Понимаю, что они собрали всех прежних пассий (хотя с некоторыми из них он никогда не имел личных отношений). Хватает одного абзаца, чтобы убедиться в полной нелепости написанного:

«Сердце ловеласа и главного холостяка страны вновь свободно? Неужели многомиллионная армия фанаток обрела шанс завладеть сердцем кумира? Мы ответим на этот вопрос и надеемся, милые дамы, эти страницы помогут осушить ваши слёзы.

Как удалось выяснить нашему издательству, Егор Орлов — популярный исполнитель и актёр — вновь свободен! Напомним, летом прошлого года артист начал отношения с никому не известной Алисой Александровой, чем вселил в сердца поклонниц надежду: любая девушка может стать объ-

ектом вздыхания звезды. Но, увы, этот же факт заставил юные души волноваться, ведь отношения сложились довольно серьёзные. Пара долгое время жила вместе, о чём открыто делилась в социальных сетях.

Но в стране чудес произошёл разлад: пара резко пропала с наших радаров. В сеть то и дело просачиваются снимки ребят, но уже поодиночке. Те, что были «не разлей вода», перестали появляться вместе. К тому же контент певца запестрел постами об одиночестве, а Алиса, чей Instagram насчитывает более трёх миллионов фолловеров, вовсе пропала из сети. А если вам и этого недостаточно, послушайте последнюю песню Егора «Внутри меня», вышедшую пару дней назад. Если уж это не подтверждение разрыва, тогда что?»

Скривившись, я не смею читать дальше и откладываю журнал обложкой вниз, желая вымыть и глаза, и руки. Почему обсуждение этой темы доставляет всем такое удовольствие? Почему нельзя просто оставить нас в покое?

«Он суперзвезда, деточка, чего ты ожидала?» — бубнит голос в моей голове. Остаётся лишь согласно вздохнуть. Два месяца назад, собирая чемоданы в его квартире, я не думала, какой резонанс вызовет моё решение. Мы не комментируем слухи, но они не остывают, а лишь сильнее разгораются. Недавно один из крупнейших YouTube-каналов приглашал меня на интервью, предлагая деньги, которых хватило бы на год жизни без работы.

Вновь встречаюсь взглядом с кудрявой помощницей ре-

дактора и понимаю, почему она так смотрит. Её глаза бегают с журнала на меня и обратно. Судя по всему, она узнала меня. Дарю девушке неловкую улыбку и отвожу глаза. Вновь это противное ощущение преследования. Мне всё ещё сложно привыкнуть, что люди заранее знают, как меня зовут, сколько мне лет и кто я по гороскопу.

Когда меня наконец приглашают в кабинет, в голове остаётся одна мысль: «Я должна здесь работать». Это поможет развеять убеждение в моей беспомощности и несостоятельности.

— Готова рассказать, почему мы должны взять именно тебя? — спрашивает блондинка прокуренным голосом, щёлкая зажигалкой. В воздухе тут же повисает едкий табачный дым.

«Потому что вы сами пригласили меня на эту вакансию?» — думаю я. Кира Альбертовна вальяжно закидывает ноги на стол, демонстрируя дорогие туфли и полную непринуждённость. Стараюсь не обращать на это внимания.

Год назад я должна была проходить собеседование именно здесь, но планы нарушил псих, напавший в подъезде. Сохраняя вежливую улыбку, я отгораживаюсь от воспоминаний о том дне, когда бывший друг моего парня навсегда изменил мою жизнь, похоронив ту часть Алисы в страшном доме.

— В первую очередь хочу сказать, мне жаль, что в прошлый раз не удалось попасть на интервью. Поверьте, это не

было пренебрежением. Я попала в больницу, и реабилитация проходила долго.

Главный редактор не спешит отвечать. Глаза щурятся в узкую полоску, губы плотно сжаты. Она затягивается настолько глубоко, что я начинаю испытывать неловкость.

— То есть ты уже пыталась устроиться к нам? — её голос звучит как рваная дыра, в которую я проваливаюсь. Сама того не зная, я поставила себе подножку. Молодец, Алиса, пять баллов.

— По рекомендации одного из ваших сотрудников меня пригласили на собеседование в прошлом году.

— Что за сотрудник? Как зовут? — в голосе слышится любопытство. Она будто плыла по скучному течению и вмиг ухватилась за что-то интересное.

— Павел Воробьёв, он работал в отделе маркетинга. Насколько мне известно, сейчас он здесь не работает.

Кира разочарованно поджимает губы и стряхивает пепел, еле заметно вздыхая.

— Да, это точно не он. О тебе похлопотали люди куда влиятельнее.

Не совсем понимая, о чём речь, я теряюсь. Она же продолжает излучать уверенность, перелистывая резюме с заметками прошлых интервьюеров.

— Здесь сказано, что ты увлекаешься писательством.

— Верно, — киваю я, пытаюсь угадать, кто мог «похлопотать». Эта загадка мешает сосредоточиться.

Властная блондинка с волосами, похожими на глянцевое полотно, качает головой. Её тяжёлый оценивающий взгляд вызывает противное волнение.

— Позволь узнать, что именно пишешь?

— Это мемуары. Я начала совсем недавно, пока это лишь способ выразить чувства на бумаге.

Кира выдавливая усмешку. Меня раздражает её реакция. Разве я сказала что-то смешное?

— Это увлечение приветствуется у переводчиков художественной литературы. Может, не зря мы были вынуждены добавить ещё одну вакансию специально для тебя.

— Добавить вакансию для меня? — спрашиваю я прежде, чем успеваю подумать.

— Мы не нуждались в дополнительном переводчике до недавнего времени.

Улавливаю подтекст. Она явно не рада моей кандидатуре. Пребывая в растерянности, я не знаю, что ответить. Женщина продолжает сканировать меня карими глазами. Может, это метод проверки?

— Здесь указано, что у тебя нет опыта.

Каждое слово пронизано холодом, делая меня ещё более уязвимой. Словно я совершила ошибку и обязана оправдываться.

— Всё верно, — я стараюсь не поддаваться страху. — После выпуска я не работала в штате, но проходила практику. В компании моего отца требовались переводы, я занималась

письменной документацией, иногда брали на переговоры с партнёрами.

— Синхронный перевод? — удивляется Кира, и я ощущаю вкус маленькой победы. Я её заинтересовала.

— Да, это был полезный опыт.

— За границей проходила практику?

— К сожалению, не сложилось. После выпуска должна была отправиться в Штаты по обмену, но поездка сорвалась.

— Жаль. Как переводчику, это пошло бы тебе на пользу, — отвечает она, будто из вежливости вкладывая в ответ каплю искренности. Туфли исчезают со стола, она садится прямо.

— Мне говорили, ваша компания отправляет сотрудников в Штаты.

— Верно, — в уголках губ проскальзывает самодовольная улыбка. — Мы регулярно отправляем специалистов на родину основателей, чтобы усовершенствовать навыки. Язык требует практики в стране-носителе.

— Я полностью с вами согласна, — воодушевлённо отвечаю я, мечтая о Нью-Йорке с десяти лет.

— Думаю, тебе бы там понравилось, — внезапно заявляет она, туша сигарету. Еле сдерживаюсь, чтобы не показать удивление.

— В Нью-Йорке я не была, но прошлым летом побывала в Лос-Анджелесе, — кротко сообщаю я. Воспоминания о каникулах с Егором, словно волна, окатывают меня. Вилла, ко-

торая навсегда останется в укромном уголке души, мгновенно вырастает передо мной. Душа сжимается, стоит ощутить трепет его прикосновений. Будто это было в прошлой жизни.

— В Лос-Анджелесе замечательно, но в прошлом году там стояла аномальная жара, — Кира откидывается на спинку кресла, глядя куда-то вдаль. На мгновение я вижу в её глазах другого человека — мечтательную девушку, погружившуюся в воспоминания. На короткий миг теплота наполняет взгляд, скидывая мантию строгости. — По крайней мере, на юге города.

С этими словами она возвращается в реальность, сосредотачивая на мне строгий взгляд.

— Мы проживали в Малибу, от жары спасал океан.

Брови редактора ползут вверх.

— В какой гостинице, если не секрет?

— Молодой человек арендовал виллу.

Кира долго не отвечает, лишь качает головой.

— Егор Орлов, — вдруг заявляет она. Сердце врезается в рёбра. Глупо было надеяться, что до неё не дошла информация о связи с известным исполнителем. — Ты же не думаешь, что я не узнала тебя? Твоё имя сейчас встречается чаще, чем новость о неделе моды в Москве.

— Надеюсь, это не повлияет на возможность получить должность?

Кира усмехается и поднимается. Она довольно высокая, стройная, укороченные серые брюки идеально подчёркива-

ют фигуру. Она подходит к окну во всю стену. Я пользуюсь моментом и разглядываю фото в рамке на столе — белокурая девочка лет десяти. Выразительные глаза очень похожи на глаза Киры. Вероятно, дочь. Странно думать, что и я могла быть мамой.

— Зачем тебе вообще здесь работать? — доносится голос Киры, и мысли о материнстве испаряются. — Ты ведь можешь зарабатывать, как все инстаграмщицы.

— Инстаграмщицы? — недоумеваю я.

— Именно. Реклама на красивых фотографиях. Никаких боссов, сроков, поездок в офис. Зачем тебе эта работа?

— Эм-м, — мычу я, не ожидая вопроса. — Я всегда хотела заниматься чем-то подобным. Мне нравятся книги, нравится переводить их. Это как создавать что-то новое. Быть частью чего-то большего, чем просто синхронный перевод.

Кира испытывающе смотрит на меня, собирая морщинки вокруг глаз. Под этим взглядом хочется провалиться сквозь землю.

— Мне неважно, каким способом ты выбила себе место, но работать здесь придётся на моих условиях. Я говорю — ты исполняешь. Для меня важно, чтобы люди в штате были продуктивны и порядочны. Могу я рассчитывать на твою порядочность?

Мне требуется секунда, чтобы сгенерировать ответ и не нахамить в ответ.

— Не знаю, что заставило вас усомниться в моей поря-

дочности, но уверяю: я придерживаюсь тех же взглядов.

— Сомневаюсь, — тут же вырывается у неё. Что, чёрт возьми, она имеет в виду? Усердно подавляю всплеск злости.

— Можешь приступить в понедельник, — наконец разре-
зает тишину редактор. — Испытательный срок — три меся-
ца. Моя помощница проведёт экскурсию. А теперь иди, у ме-
ня много работы.

Покидая кабинет, я испытываю облегчение и ликование!
Меня распирает от радости. Я смогла! Мне была нужна эта
победа, чтобы доказать самой себе, что я не беспомощна, что
у меня есть цели и я могу состояться без чьей-либо помощи!

Кудрявая помощница поднимается с места.

— Кира Альбертовна сказала, что я должна провести вам
экскурсию, — уверенно произносит она. Пытаюсь разгля-
деть принуждение в её голосе, но она, кажется, только рада
сбежать из приёмной. С такой начальницей я её понимаю.

— Прямо сейчас? — уточняю я.

За разговором выясняю, что девушку зовут Юлия. Она
старше меня всего на два года, так что мы сразу переходим на
«ты». Юля работает на Киру пару лет, начав практиканткой.
За это время она уяснила, что босс не любит сладкий кофе,
лесть, идиотов и опоздания. На фото дочь Киры — Кэйти.
Отец родом из Лос-Анджелеса, они не живут вместе. Долж-
ность редактора Кире досталась упорным трудом, поэтому
её уважают. И боятся.

Юля помешана на украшениях: пальцы утяжелены коль-

цами, на шее несколько подвесок. Стиль у неё своеобразный: мешковатые брюки, рубашка свободного кроя. Но выглядит она очень стильно. Когда Юля жестикулирует, раздаётся звон браслетов. Вряд ли этой девушке удастся прошмыгнуть где-то незамеченной. Она говорит быстро, разбавляя фразы шутками. За этим час экскурсии пролетает незаметно. Юля тактично подавляет любопытство, хотя узнала меня сразу.

Я осмотрела большую часть офиса и влюбилась в пространство «Дал Рай». Издательство делило здание с конкурентами из «Райт Поинт». Юля сказала, что юридически они вместе, но «песочницы разные».

— Алис, у меня сейчас обед начинается. Я бы хотела перекусить, так как не завтракала совсем.

— Конечно! — восклицаю я. — Все основное ты мне уже показала и рассказала. Остальное изучу со временем.

Мы обмениваемся вежливыми улыбками.

— Если ты голодна, то можешь составить мне компанию. Я расскажу тебе еще что-нибудь о нашем издательстве.

Меня радует открытость и доброта девушки. Соглашаюсь на ее предложение, и уже в полдень мы оказываемся в просторном фойе на первом этаже.

— Пообедаем в кафе на этой улице? Минут семь пешком. Там безумно вкусная паста!

— Отлично, — отзываюсь я с улыбкой и уже у пропускных стоек замираю, заметив у стеклянных дверей входа сво-

ру фотографов.

— Черт, — бормочу себе под нос и, как на автомате, отбегаю в сторону, прячась за высоким растением, похожим на дерево. Вот же гадство! Судя по всему, кто-то заметил меня входящей в здание, когда я пришла сюда.

Первым мою нелепую, но вынужденную выходку замечает мужчина в черном костюме, к уху которого ведет проводок. Очевидно, он здесь следит за порядком. Он с подозрением косится на меня, пока Юлия с озадаченным видом подходит ближе. Я же, походя на полную дуру, прячусь за цветком, судорожно перебирая возможные варианты, как ускользнуть от назойливых журналистов.

— Алис, все в порядке? — спрашивает Юлия, и я неловко улыбаюсь.

— Видишь тех ребят с камерами? — оборачиваюсь назад, слегка выглядывая из-за растения. Юлия смотрит туда же.

— Вижу.

— Боюсь, что они поджидают меня, — неохотно сообщаю я, вызывая на молодом лице девушки то ли удивление, то ли восхищение. — И боюсь, что просто так мне от них не уйти. А мне бы не хотелось с ними сталкиваться.

— Дамы, — доносится мужской бас, и мы обе оборачиваемся к тому самому охраннику. Подойдя ближе, он с подозрением осматривает меня с ног до головы. — У вас какие-то проблемы?

— Простите, здесь только один выход из здания?

— Для вас — один, — тут же отвечает он, и я не могу скрыть расстройства от такой грубости. Мужчина замечает это и спешит извиниться: — Вы меня неправильно поняли. Для посетителей у нас один выход.

— А-а, — лишь выходит из меня, и я вздыхаю, вновь обращиваясь к стеклянным дверям. Я знаю, что не все журналисты такие, но бывают жуткие «стервятники», как те, что поджидают меня за каждым углом. С ними невозможно договориться, они не слышат отчаянного «пожалуйста, оставьте меня».

— У вас какая-то проблема? — уже более учтиво интересуется мужчина, по-видимому, чувствуя некую вину. Смотрю на него своими большими глазами.

— Можно и так сказать. Видите тех людей?

— Фотографов? Вижу, конечно. Уже час здесь ошиваются, — с этими словами он вновь окидывает подозрительным взглядом скоп журналистов, сосредотачивая на лице всю свою бдительность. Кто мог сообщить, что я буду здесь? Как они снова нашли меня?

— Дело в том, что они, скорее всего, поджидают меня, но встречаться с ними мне бы абсолютно не хотелось.

Вокруг его глаз тут же собираются морщинки, будто он пытается вспомнить, видел ли он меня где-нибудь раньше. Обычно именно такая реакция у людей, когда те сталкиваются со мной в компании журналистов.

— К сожалению, ничем не могу помочь, — равнодушно

сообщает он. Тут слышится голос Юлии:

— Вячеслав, есть ведь служебный выход. Позвольте нам выйти через него?

— Юлия, я могу выпустить через него вас, так как вы сотрудник. Эта же девушка — просто посетитель. Не положено.

— Слав, — вдруг замурлыкала она, раскрепощая себя до милой улыбки. Браслеты на ее руке звенят, когда она заботливо поправляет бейдж на пиджаке мужчины. — Алиса с понедельника выходит к нам на работу. Считайте, что она уже новый сотрудник. Давайте сделаем исключение? М?

Мужчина неловко переминается с ноги на ногу, почти поддаваясь обворожительности Юлии.

— Под мою ответственность, — давит Юля почти шепотом, который действует на мужчину подобно заклинанию. Еще один жест или слово, и он полностью во власти рыжей бестии. Вячеславу на вид лет тридцать, он высок, крепок и довольно симпатичен. Заигрывать с таким, как говорится, одно удовольствие. И кольца на его пальце я не наблюдаю.

— Пожалуйста, — я в мольбе свожу брови, совсем не желая сейчас сталкиваться с очередными вопросами о моей личной жизни.

Мы с Юлей давим на мужчину милыми улыбками и беспомощным взглядом. Вячеслав еще раз бросает взгляд на стеклянные двери, вздыхает и спасательным жестом просит пойти в противоположную от главного выхода сторону.

— Спасибо большое! — щебечу я, стуча каблуками по плиточному полу. Мужчина с гордым видом распахивает перед нами дверь запасного выхода, что ведет на другую сторону улицы.

— Слава, — вновь мурлычет Юля уже в дверях, все еще имея власть над вниманием мужчины. — Вы, как всегда, выручили меня. Спасибо.

Вячеслав пытается сохранять на лице сдержанность, но в серых глазах блещет вкус состоявшегося героизма, что радует меня. Ведь что может быть лучше для мужчины, чем возможность проявить себя перед дамой?

— Ну что, прорвались! — Юля весело звенит браслетами, раскрывая над нами свой огромный черный зонт. — Кафе прямо за углом, там безумно вкусная паста, тебе понравится.

— Алиса?

Знакомый голос окликает меня сзади, заставляя резко обернуться. Внутри все мгновенно сжимается, так как это отголосок недавнего прошлого. Аня. Это последний человек на планете, которого я хотела бы сейчас видеть. Подавив острое желание отчаянно закатить глаза, я из вежливости останавливаюсь.

Аня неторопливо шагает с парковки в нашу сторону, заглушая повисшую в диалоге паузу стуком каблуков дорогих туфель. Выглядит девушка, как всегда, безупречно: бежевый тренч, укладка и ледяной взгляд откровенного превосходства.

— Привет, Аня, — спокойно, без тени лицемерной улыбки произношу я, когда та подходит к нам.

— Заметила, как ты выходишь через черный ход, — окидывает меня оценивающим взглядом. — Все в порядке? От кого-то прячешься?

— Все отлично, — ровно отвечаю я, пытаюсь убить на корню разрастающееся волнение. С чего вдруг оно появилось, я не знаю, но почему-то присутствие Ани меня сейчас настроивало как никогда.

Аня слегка наклоняет голову, и на ее губах расплывается острая, язвительная ухмылка:

— Ходила в издательство, чтобы выгодно продать права на мемуары о жизни с суперзвездой?

Я лишь едва заметно усмехаюсь. Ничего другого от нее я и не ожидала. Какое предсказуемое, мелочное желание уколоть.

— Не стоит судить людей по себе, Аня, — тихо, но твердо отрезаю я.

— По себе? — как-то слишком резко и звонко восклицает девушка, разразившись неожиданным смехом. — Алис, я много работаю и имею успешную карьеру, ни от кого не завишу. И мне не нужно продавать секреты своего бывшего издателям, чтобы на что-то жить. Тебе до меня еще очень далеко.

Юля рядом со мной, мгновенно считав повисшее в воздухе напряжение, из самых добрых побуждений решает вклю-

ниться в диалог. Она делает шаг вперед, расправив плечи:

— Алиса теперь официальный сотрудник «Дал Рай», а не продажник, — уверенно заявляет моя новая знакомая, и ее браслеты воинственно звенят. — Так что она имеет полное право входить и выходить из этих дверей, когда ей вздумается.

В глазах Ани на долю секунды вспыхивает жадное, торжествующее удовлетворение, что смутило меня. Но она тут же прячет этот блеск за снисходительной улыбкой, переводя взгляд на меня:

— Что ж, поздравляю. Наконец-то ты решила зарабатывать на жизнь сама, Алиса, а не просто красиво сидеть на шее у мужчины.

На моих губах появляется легкая, почти ленивая ухмылка. Смотрю ей прямо в глаза:

— У меня хотя бы был мужчина, Аня.

Разворачиваюсь на каблуках и иду прочь, оставляя ее стоять на мокром тротуаре. Юля догоняет меня через пару секунд. Ее глаза горят диким, неопишуемым восторгом.

— О-о-оу! — почти вскрикивает она, хватая меня за локоть. — Подруга, это было гениально! Да ты, оказывается, королева сарказма, я теперь твоя фанатка! Кто эта мымра в тренче?

Я лишь улыбаюсь, глядя перед собой, но внутри все равно подрагивает горькое, тянущее чувство. Последнее, что я могла себе представить — это встречу с Аней у порога изда-

тельствва.

— Одна мымра, как ты и сказала. Забудь о ней.

Меньше всего мне хотелось говорить об этой охотнице за моим За Егором.

Тёплый августовский ветер, пронизанный влажностью прошедшего ливня, настойчиво путает мои волосы, пока я верчу головой в поисках людей с камерами. После выхода последней песни Егора они преследуют меня слишком страстно в погоне за эксклюзивом. Достался же парень с таким «приданным».

— Возможно, мне показалось, — говорю я сквозь порывы ветра, пытаюсь сменить тему, — но этот ваш Слава явно питает к тебе симпатию.

Румяные щеки Юли заливаются ещё более густой краской, а значит, я права.

— Он работает здесь всего три месяца. Заместитель начальника службы безопасности здания.

— Симпатичный, — я наблюдаю за реакцией Юли, и та не заставляет себя ждать. Юля не сдерживает улыбки и наконец соглашается:

— Очень! И не женат, к тому же.

— Но? — спрашиваю я. Почти в ста процентах случаев следует какое-то «но».

— Но он всё ещё ни разу не проявил ко мне никакого интереса.

Юля сообщает об этом с оттенком отчаяния. Я понимаю,

откуда оно: увы, сейчас многие страдают от глубокого одиночества из-за того, что потеряли способность к простому общению. Я — одна из таких девушек.

— Извини, конечно, но в его взгляде была масса интереса к тебе. Если я хоть немного в этом понимаю.

Юля на несколько секунд задерживает на мне взгляд своих серых глаз.

— Ты думаешь?

Я расплываюсь в мягкой улыбке и чуть пожимаю плечами.

— Мне так показалось.

Мечтательная улыбка касается уголков губ рыжеволосой девушки.

— Ну а как иначе? Я ведь так прекрасна, — с артистизмом заявляет она, и мы обе смеёмся.

— Извини, не могу не сказать, Алис, — продолжает она, когда мы успокаиваемся. — Я узнала тебя сразу же, как только ты вошла в приёмную. Давно подписана на тебя в инстаграме!

— Серьёзно? — с улыбкой спрашиваю я, обходя лужи после дождя. — Даже не знаю, что сказать. Спасибо.

— Да не за что, — хихикает она. — В жизни ты оказалась намного приятнее. Не зазвездившаяся, что радует.

Чуть сведя брови, я поднимаю на девушку глаза.

— А до этого казалась неприятной?

— Нет-нет, я не так выразилась, — Юля притворно шлёпает себя по лбу. — Я имею в виду, что в инстаграме ты со-

здаёшь один образ, а в жизни — ещё лучше.

— Немногие разделяют твоё мнение.

— Это ты о той мымре? — она закатывает глаза. — Я её, кстати, где-то видела.

— Она телеведущая, — слишком резко отрезаю я и быстро закрываю рот, будто сболтнула лишнее. Юля, чуть сморщив нос, смотрит прямо перед собой, словно мысленно куда-то отлучилась. Но ненадолго.

— Точно! — её голос звучит как всплеск. — Это же подруга Егора!

Слышу его имя, и всё тело будто обдаёт кипятком. Тоска вновь заполняет все комнаты моей души, отчего грудь сдавливает так сильно, что становится больно.

— Извини, я скажу это. Вы очень милая и невероятно красивая пара. Я большая поклонница Егора, если честно, — тараторит Юля, звеня браслетами, и не подозревает, каких усилий мне стоит хотя бы просто дышать. — Фух, создалась! Теперь мне намного легче.

Она хихикает, а я продолжаю выдавливать притворную улыбку.

— В общем, мне очень приятно с тобой познакомиться. Вот что я хотела сказать.

— Взаимно, Юль. Твоя честность подкупает.

— Странно, обычно моя прямота всех бесит, — она косится на меня с подозрительной улыбкой.

— Я просто странная.

— Теперь ты мне нравишься ещё больше.

Девушка смеётся и указывает на стеклянные двери кафе.

Внутри довольно уютно. Мы выбираем столик подальше от окон, чтобы нас не заметили прохожие. Заказываю латте и пасту, прося добавить побольше запечённых томатов. Если бы кофе пили с томатами, я бы и туда их добавила.

— Прости, что спрашиваю, — начинает Юля, складывая руки на столе, — но часто ли тебя вот так караулят? Боюсь, Кире не понравится этот скоп фотографов. Тем более, что он не по её душу.

Я не спешу отвечать: привычка, перенятая от Егора — не говорить ничего лишнего.

— Мы с Егором сейчас новость номер один, как бы высокомерно это ни звучало. Отсюда и внимание. Остаётся подождать какой-нибудь другой сенсации — все переключатся. Тогда и караулить перестанут.

— Да уж, — Юля морщит нос. — Тяжело, наверное.

— Ну, незаметно прошвырнуться по магазинам или просто прогуляться уже не получается. Но я переживу. Остается только подождать, пока какая-нибудь знаменитость не сбредет брови, например.

Юля прыскает от смеха, и я хихикаю вместе с ней, делая глоток латте. На этом расспросы Юли о Егоре и журналистах были окончены, что не могло не радовать. Не все обладают тактичностью моей новой знакомой. Походы по магазинам, поездка в общественном транспорте, обед в любимом кафе

— всё это стало почти невозможным из-за постоянного прикованного внимания к моей персоне. Кто-то фотографирует и снимает исподтишка, перешептываясь за спиной, а кто-то, не стесняясь, вторгается в личное пространство, требуя фото и новых подробностей из нашей жизни с Егором. Иногда хочется закрыться дома и не выходить, но потом я вспоминаю предыдущий год своей жизни и, собирая всю силу в кулак, открываю себя этому миру.

Когда нам приносят обед, Юлия оживлённо рассказывает о своём приходе в компанию:

— И представь: я, вся такая уверенная в себе, сажусь в кресло рядом с Кирой и спрашиваю: «Простите, а вы тоже на должность помощницы редактора?». Она смотрит своим изучающим взглядом и молча кивает.

— Да ладно? — смеюсь я.

— Ага! И я говорю ей: «Я слышала, что она та ещё стерва».

Я едва не давлюсь пастой, представляя лицо Киры. Юлия тоже смеётся, звеня браслетами.

— Как ты после такого получила место?

— Её подкупила моя откровенность, — отвечает она. — Ну и резюме.

— Моё вот её не очень впечатлило, — вздыхаю я, вспоминая колкие замечания. — Мне показалось, что я вовсе ей не нравлюсь.

Юлия меняется в лице, на тонких губах застывает недоска-

занность.

— Юль, в чём дело? — спрашиваю я, чувствуя неприятный осадок.

— Алис, не в обиду Кто я такая, чтобы судить? Но как ей реагировать, если она выгрызала это место зубами, а ты попала к нам вот таким лёгким способом?

— Лёгким — это каким? — мой тон становится требовательным.

Юля вздыхает:

— За тебя кто-то похлопотал. Сказали, что место должно быть твоим. А если вакансии нет — создать её специально для тебя.

Я вспоминаю слова Киры и ребус, который она загадала.

— Кира тоже сказала, что за меня кто-то похлопотал, — бормочу я. — Но кто?

— Думаю, тебе виднее, Алис.

Я кривлюсь.

— Я понятия не имею. Узнала только сегодня от неё самой.

В глазах собеседницы клубится смятение. Дорога вычислений упирается в Егора. Неужели это его рук дело? Он знает, как сильно я хотела здесь работать, но знает и то, как мне важно добиться всего самой. Да и вряд ли он захотел бы помогать мне после расставания.

— Знаю лишь, что Кира была в бешенстве от приказа «сверху».

— Сверху?

— Директор распорядился. Кира думает, что ты с ним спишь, оттого и привилегии.

— Что?! — я едва не роняю вилку. — Сплю?!

— Я говорила ей, что ты с Егором, но она стоит на своём. Наш генеральный славится похождениями, — откровенность Юли сбивает с ног. — Ты знакома с ним лично?

— Нет, — заикаюсь я, переваривая информацию. Меня подозревают в грязных махинациях?! Это окончательно очерняет вкус моей победы.

— Алис, не расстраивайся, — мягко просит Юля. — Кира изменит мнение, когда узнает тебя. Ты получила крутое место, радуйся!

Даже её обезоруживающая улыбка не подсластила горечь. Для меня было важно доказать свою состоятельность, а вместо этого — провал и репутация «потаскухи». Я нервно закусываю губу, как вдруг замечаю за витриной мужчину, который пристально смотрит на меня. Взгляд кажется знакомым. Наверняка очередной журналист.

— Алис? — Юля слегка касается моей руки, и этот легкий жест заставляет меня вздрогнуть. Ее голос, мягкий и встревоженный, с трудом пробивается сквозь шум кафе.

Я часто моргаю, словно пытаюсь стряхнуть с себя навязание последних минут.

— Юль, спасибо за обед. Мне пора, ладно? — я почти вылетаю из-за стола, едва не задев плечом проходящего мимо

официанта.

— Ты... ты обиделась? — она подается вперед, не сводя с меня внимательного, почти изучающего взгляда.

Я уже дрожащими пальцами выуживаю из кошелька несколько купюр и бросаю их на стол, даже не считая. Мои движения слишком резкие, выдающие внутренний хаос, который я отчаянно пытаюсь скрыть за маской спокойствия.

— Нет, что ты, всё хорошо, — я натянуто улыбаюсь, не глядя ей в глаза, и на ходу подхватываю сумку. — Просто дела, нужно бежать. До понедельника!

Я почти бегу к выходу, чувствуя на спине ее пронзительный взгляд.

— До понедельника... — доносится мне в спину ее голос, в котором отчетливо слышится грусть и какое-то болезненное понимание.

Глава 2

Егор

Что для меня любовь?

Я усмехаюсь про себя. Сколько раз я произносил это слово со сцены, с экрана, в микрофон? Тысячи. Но сейчас, когда нужно описать это чувство, я теряюсь. Может, потому, что эта любовь меня убивает? Медленно, издевательски, вырывая из моей души кусок за куском. Любовь — садистка.

Я снова усмехаюсь. Боюсь, такой ответ разочарует аудиторию.

— Будет странно, если я дам чёткий ответ, — наконец произношу я, ловя жадный взгляд дамы, сидящей напротив.

Первое интервью за год даётся мучительно.

— Это будет означать, что я и не любил вовсе. Но если попробовать сформулировать любовь — это смирение.

Стриженная «под пацана» брюнетка вскидывает брови.

— Объяснишь?

Эта дама пытается меня уже полчаса. Терпению можно позавидовать: она вытягивает из меня каждое слово, как занозу. Я против этой затеи, но Олег прав — моё молчание затянулось. Я облизываю пересохшие губы и сцепляю пальцы в замок.

— До недавнего времени я был уверен, что любовь — это забота. Ну, знаешь, когда она заболит, сначала получит по

заднице за прогулку без шапки, а потом я буду поить её чаем, пока она не поправится. Переносить выступления, чтобы быть рядом. Но это лишь база. Сейчас я скажу иначе: любовь — это смирение. Потеря покоя. Ответственность, которая не даёт дышать.

— Звучит не очень радужно, — шутит дама.

Я кривлю губы.

— Может быть. Но всё это вытесняет эгоизм. Вот ему в любви точно места нет.

— А разве так бывает? Человек всегда тянет одеяло на себя. Это природа, — она выгибает бровь, разбрасывая вокруг меня мины, чтобы я подорвался.

— Если ты так рассуждаешь, значит, никогда не любила, — бросаю я спокойно.

Дама едва заметно ухмыляется, но отвечать не спешит.

— Просто задай себе вопрос: ты с человеком, чтобы брать, или чтобы отдавать безвозмездно? Если первое — это не любовь.

Я жду. Дама переваривает сказанное и кивает.

— Убедительно.

— Проверено на собственной шкуре, — развожу руками.

— Ты говоришь в прошедшем времени. Слухи о вашем расставании с Алисой это правда?

Блять.

Пальцы сжимаются до боли. Послать её? Перевожу тяжёлый взгляд на Олега. Он мотает головой: не вздумай. Я смот-

рю прямо в камеру, в объектив, который кажется мне сейчас чёрным дулом.

— С уважением к зрителям, — чеканю я. — Каждый человек имеет право на личное. Я очень прошу уважать моё желание оставить эту частичку только себе. Спасибо.

Дама поджимает губы. Разочарование — единственный её ответ.

— Понимаем, Егор. Просто миллионы девушек многие надеются.

— Моё сердце всегда занято поклонниками, — я дарю ей обезоруживающую улыбку, перешагивая через «мину».

Счёт 1:1. Но внутри меня — истошный вопль.

Мы закончили. Я бросаю куртку на заднее сиденье машины и закрываю глаза. Перед внутренним взором — не софиты, а закат. Тот самый тёплый свет летнего заката, переливающийся шоколадными оттенками в волосах Алисы. Я любовался ею, как обезумевший. Сидя на капоте и оперевшись о лобовое стекло, я, не отрываясь, смотрел, как пламя горящего у горизонта солнца обволакивало её точеное тело, подчеркивая соблазнительные изгибы. В кончиках пальцев ощущались покалывания от того, как сильно мне хотелось коснуться её стана и медленно, не торопясь, вновь изучить каждый дюйм. Но я не смел нарушать её уединения с закатом. Слишком сильно она их любит. Свет плясал тенями на моём лице, когда ветер играл с шоколадными волосами, вбирая в себя потрясающий запах её локонов — кристально чи-

стый, словно лес после летней грозы, с ненавязчиво сладким привкусом цветов. Чёрт, да этим ароматом невозможно было надыхаться вдоволь. Я смотрел на Алису и боялся упустить из виду малейшее её движение, словно оно было чем-то чрезвычайно важным, чем-то неуловимым. Или слишком значимым. Я будто пытался надыхаться ею, пока еще была такая возможность. Пока она была там, рядом со мной, на слишком горячем капоте машины. Мои губы сами по себе расползаются в улыбке, когда я вспоминаю, как она усадила меня в мой же автомобиль и привезла в какую-то глушь, окутанную лишь полями и небольшими лесополосами, сообщив, что мы приехали сюда любоваться закатом. Не уверен, знает ли она, но в тот вечер я любовался лишь ею, не страшась этой одержимости и моей любви к ней.

Сейчас, закрывая глаза я вижу, как её смуглые изящные плечи размеренно двигались в такт её ровному дыханию. Плечи, на которых держался весь мой мир. К ним хотелось прикоснуться губами, ощущать всю нежность её бархатистой кожи. Избавить от тяжести, которую я сам же на неё взвалил. Я обводил взглядом каждый изгиб её тела, пытаюсь вслушаться в её мысли. Уже тогда я чувствовал, что она о чем-то молчит, но так и не нашел смелости спросить, ведь так сильно боялся услышать ответ.

— Я не хочу, чтобы это заканчивалось, — произнесла она тогда, не оборачиваясь. Помню, как сжалось моё сердце, приняв в себя ещё один тревожный звонок. Но я тут же спи-

сал всё на свои глупые домыслы и отвернулся от интуиции. Я больше не представлял себя без этой женщины и не мог допустить мысли о том, что моя жизнь станет одной сплошной пустотой, с неугасающим запахом её парфюма. Через неделю так и случилось.

Два месяца назад, когда она ушла, я словно перестал существовать. Она забрала вещи, оставив лишь аромат сладких духов да томик стихов русских поэтов, который мы читали, лёжа на мягком ковре в нашей гостиной. В ту ночь я разнёс собственную квартиру. Крушил мебель, бил стены, пока руки не превратились в кровавое месиво. А потом, когда силы иссякли, сидел на полу среди этого хлама и рыдал, захлёбываясь собственной беспомощностью. Я ненавидел мир, ненавидел себя, ненавидел её. И в этом аду я начал писать.

Так родился новый альбом. Под сотню черновиков, выстраданных в состоянии полного распада. Я вложил в него всё: каждую бессонную ночь, каждую каплю ярости, каждый вдох, ставший пыткой. Альбом стал моей исповедью и моей тюрьмой одновременно. И пока он штурмует чарты, я всё ещё заперт в том самом дне, когда она захлопнула за собой дверь.

— Егор, ты слушаешь меня вообще? — голос Олега всё-таки просачивается в моё сознание и мне приходится открыть глаза, отчего образ Алисы, обвенчанный светом золотистого заката, рассеивается, вновь швыряя меня в пустынный холод. Как бы тщательно я не игнорировал Олега, изоб-

ражая спящего, этот цербер не глохнет.

— Если ты не заметил, я пытаюсь поспать. У меня было слишком душное интервью, — бурчу я под нос, подкладывая под голову куртку поудобнее. Я уже не помню, когда последний раз нормально спал, в постели, на подушке, под одеялом.

— Долго ещё ныть будешь? — подтрунивает меня мой менеджер. Я на него уже не злюсь, просто привык в последнее время постоянно быть недовольным. Вновь закрыв глаза, я пытаюсь улечься поудобнее. Сил в прямом смысле почти нет, как и желания с кем-либо говорить. Количество часов сна за последние три дня уместятся на пальцах двух рук, а ел я вообще не помню когда. Слышу, как Олег вздыхает.

— Я всё понимаю, брат, но тебе придется меня выслушать.

Молчу. Только придавливаю Олега взглядом, но он это мастерски игнорирует.

— Весь наш график съехал к чертовой матери, — парень нервно печатает какой-то текст в своём смартфоне, причитая, как старый дед. В такие моменты его густые черные брови так сильно нависают на глаза, что кажется, они вовсе пропадают с его лица. Забавно выпяченная нижняя губа постоянно что-то бурчит себе под нос, между делом выдавая более разборчивую информацию. — У тебя завтра теперь три встречи, вместо двух. А потом сразу на съемки фильма. Куда бы нам еще встречу с Калининым воткнуть, — вновь забормотал он, уже общаясь с самим собой. — И ещё интервью.

— Больше никаких интервью, — отрезаю я, закрывая глаза плотнее. — Никаких.

Алиса

Около трёх часов дня я захлопываю дверь родительской квартиры и со стоном избавляюсь от лодочек, ныряя в мягкие тапочки. Моя натура, вечно протестующая против каблуков, покрывается мурашками блаженства. Эмоциональный диапазон за день — от жуткого страха до щемящей тоски — вымотал окончательно. И всё же сейчас лидирует возмущение: как Кира могла сделать такие грязные выводы, не зная меня лично?! «Инстаграмщица»? Фыркая, прохожу на кухню, щёлкая чайником. Да, рекомендация может вызвать подозрения, но нельзя же так...

Если это дело рук Егора — я в смятении. Злюсь и ликую одновременно: значит, он ещё не забыл обо мне. Значит, я что-то значу. Копаюсь в аптечке, когда в прихожей вибрирует телефон. Сердце подпрыгивает к горлу. Каждый раз тону в надежде, что это звонок от блондина с голубыми глазами. Вижу фото подруги — огорчение вперемешку с облегчением.

— Алис, я извелась, — слышится в трубке. — Как прошло?

Я расхаживаю по кухне, прижимая телефон плечом к уху, пока закипающий чайник начинает издавать низкий, утробный гул. Одной рукой нервно перебираю связку ключей на столе, стараясь говорить максимально буднично, хотя внут-

ри всё сжато в тугой комок.

— в общем, в понедельник выхожу на штатную ставку, — произношу я, вглядываясь в отражение в тёмном окне.

В трубке раздаётся пронзительный визг Кати, от которого я вынуждена на секунду отодвинуть телефон от уха.

— Алис! Это же потрясающе! Боже, я знала, что у тебя всё получится! — Катя тараторит так быстро, что я почти вижу, как она сейчас носится по своей квартире.

Я криво улыбаюсь, глядя на свои пальцы, которые побелели, сжимая металлический ключ. Эта радость кажется какой-то чужой, словно она предназначалась кому-то другому, а ко мне приклеилась по ошибке. Когда я начинаю рассказывать о «приеме» Киры Альбертовны, голос предательски дрожит.

— она считает, что я получила это место через постель, — выдыхаю я, наконец-то опускаясь на табурет. Чайник щёлкает и замолкает, в кухне становится подозрительно тихо.

— Через постель? Что за бред?! — Катя вопит так громко, что я жмурюсь. Слышно, как она в ярости хлопает ладонью по столу — резкий, сухой звук.

— И это еще не всё. Кира Альбертовна явно осведомлена обо мне, — я машинально начинаю обводить пальцем круги на столе, стирая слой пыли. — Упомянула Егора. Она уверена, что и без него не обошлось.

— Да забей! — Катя уже остывает, переходя на уверенный, напористый тон. Слышно, как она с грохотом отодви-

гает стул, устраиваясь поудобнее. — Когда узнают тебя по-лучше, поймут, что ошибались. А до тех пор — пусть хоть ядом исходят.

— Меня больше волнует, кто тот альтруист, что реально похлопотал за меня, — я закусываю губу, глядя на пустую чашку.

— Да какая разница? — отмахивается подруга. — Главное — должность! Сегодня мы это обязательно отметим!

— Сегодня другой повод, Катя, — я тихо усмехаюсь, пытаясь отогнать образ Егора. — Как там Руслан? Уже чувствует себя мудрым и старым?

Катя на том конце провода смеется, и я слышу, как она зажигает зажигалку — щёлк-щёлк.

— Ой, Алис, мы же о Руслане! Он всегда чувствует себя мудрым и старым, — она затягивается, выдыхая дым прямо в трубку. — Но он не обидится, если мы поднимем один тост за тебя. Будет всё как всегда: сначала гости будут тупить над горячим, а потом в ход пойдёт что покрепче и «Шальная императрица». Там-то уж точно никто не заметит, за кого мы пьём.

— Много гостей? — спрашиваю я, прислонившись лбом к прохладному стеклу кухонного окна.

— Семнадцать человек, — беззаботно отчеканивает Катя. — В общем, всё как ты любишь: тесно, шумно и с песнями. Грудь мгновенно сжимается, перехватывая дыхание. Семнадцать человек... а вдруг он всё-таки придет? Впервые за

два месяца я была на грани того, чтобы увидеть его. Мои пальцы, до этого спокойно сжимавшие телефон, начинают мелко подрагивать.

— Кстати, Руслан сказал, что Егор не сможет прийти, — добавляет Катя, как бы невзначай. — У него там съёмки в фильме, завал полный.

— М-м... — я издаю нечленораздельный звук, пытаюсь сглотнуть ком, внезапно вставший в горле.

Разочарование вонзается в меня острой иглой. Я закрываю глаза, и перед внутренним взором тут же всплывают его глаза — глубокие, как океан, в которых я тонула каждую ночь последние два месяца. Я бы всё отдала, чтобы сейчас просто оказаться рядом, почувствовать его тепло, услышать то самое, сказанное только для меня: «Малышка».

— Расстроилась? — голос Кати звучит подозрительно мягко, с ноткой пронизательности, которую я ненавижу.

— Нет, — вру я, с силой закусывая нижнюю губу до металлического привкуса крови. — Не уверена, что смогла бы удержаться и не наделать глупостей.

— Алис, да брось. Ему без тебя тоже не сладко, — Катя делает паузу, слышно, как она шумно вздыхает. — Вы оба просто сходите с ума.

Я провожу свободной рукой по волосам, пытаюсь убрать выбивающуюся прядь, и тут же отдергиваю её — пальцы предательски дрожат.

— Ты с ним говорила? — шепчу я, не в силах скрыть

дрожь в голосе.

— Да. Сегодня, — Катя на секунду умолкает, подбирая слова. — Он не говорит о тебе. От слова «совсем». Но, Алис... это и не нужно. У него всё в глазах написано, в каждой ноте, в каждой строчке его песен.

Я невольно прислоняюсь к стене, сползая по ней немного вниз. Перед глазами — текст его последнего трека. Душераздирающий, хриплый, надрывный. Его голос там звучит так, будто он молится в пустоту, умоляя вернуть тот единственный маяк, который у него был. Я помню, как дрожала, когда впервые увидела название, и как удалила приложение, лишь бы не слышать, как он «ослеп» без меня.

— Если бы то, о чём он поёт, было правдой, мы бы уже были вместе, — произношу я, вглядываясь в пустой холодильник.

— Алис, это ты взяла перерыв, а не он, — отрезает Катя, и в её голосе впервые проскакивает сталь. — Забыла?

Я замираю. В кухне становится невыносимо душно. Чего я, черт возьми, ожидала, когда выставляла чемоданы за дверь? Что он прибежит через пять минут?

— Ты права, — я выпрямляюсь, чувствуя, как внутри всё обрывается. — Кать, мне нужно сделать кучу дел. Встретимся уже на месте?

— Ты обиделась? — в её голосе теперь слышно искреннее беспокойство.

— На правду не обижаются, — я заставляю себя улыб-

нуться, хотя губы едва слушаются. — Всё хорошо. До вечера.

Я нажимаю на отбой и телефон тут же выскальзывает из ослабевших пальцев, глухо стукнувшись о коврик. Я оседаю на пол, прижимая колени к груди, и наконец даю волю слезам. Первые дни без него были адом — я физически не могла дышать, задыхаясь от его аромата, который ещё держался на постельном белье. Я была в запое из боли и бесконечной вины, превращая свою жизнь в руины. И теперь, сидя здесь, я боюсь только одного: что та дверь, которую я оставила открытой, для него уже навсегда закрыта.

Через час я стою в зале, сжимая перчатки в кулаки. Мышцы ноют — приятная, честная боль. В такие моменты я хотя бы немного чувствую, что контролирую своё тело, раз уж остальное летит к чертям.

— Давай с правой, — Тимур, мой тренер, подбрасывает грушу.

Его чёрные, как смоль, брови вечно сдвинуты к переносице, но я уже знаю: он не злитя. Полгода назад, когда Егор впервые привел меня сюда, я боялась этого сурового бородача. Сейчас он — единственное, что держит меня в реальности.

Я поправляю выбившуюся прядь, принимаю стойку. Десять ударов проходят на автомате.

— Яростнее, девочка! — Тимур слегка покачивается от натиска снаряда. — Ты можешь лучше!

Я пропускаю его слова мимо ушей. В голове — снова этот

нелепый разговор в издательстве. «Инстаграмщица», «через постель». Меня трясет от досады. Я ведь проходила три этапа собеседования! Я не знала о рекомендации, пока не перешагнула порог! И самое паршивое — вдобавок к унижению, я сегодня не увижу Егора. Почему он молчит? Разве любящий так легко отступает?

— Стоп! — Тимур хлопает по груше. — Ты где витаешь? Она над тобой смеется, а не ты над ней.

Я закатываю глаза и натягиваю на лицо фальшивую улыбку.

— Это удары хрупкой дамы, Тимур, — мурлыкаю я, обнимая грушу. — Хватит делать из меня машину для убийств.

— Хрупкая дама, — передразнивает он меня писклявым голосом. — Иди, отдышись пять минут, «хрупкая».

Тим отходит, я с жадностью хватаюсь за бутылку с водой. И тут за спиной звучат голоса:

— ...видела его новый альбом? За неделю — платина!

— Ну, не знаю. Слащавый он. Хотя татухи добавляют брутальности.

Я замираю. Внутри всё сжимается.

— ...он же с Александровой был, а сейчас — вон, с какой-то блондинкой на всех тусовках светится.

Я едва слышу голос незнакомки, так как в ушах стоит стук собственного сердца. Кто эта девушка рядом с ним? Длинноногая блондинка с волнистыми локонами, на чьих руках виднеются небольшие татуировки. Он приобнимает её за талию,

позируя перед камерами с присущей ему ухмылкой. Это свежий выпуск? Что это за мероприятие и кто эта девушка? Разум приказывает не паниковать, когда сердце уже в слезах сокрушается от боли. Это ведь может быть какая-нибудь коллега. Если бы это была его новая пассия, Катя сказала бы мне? Не веря в собственные утешения, я, почти задыхаясь, не могу оторвать глаз от пары, улыбающейся сквозь вспышки камер. В свое время мы с Егором избегали публичных выходов, не желая привлекать к себе много внимания, но если где-то появлялись, всё внимание было приковано к нам. Точнее — к Егору.

«Ты самое сокровенное, что есть у меня, и я не хочу ни с кем тебя делить. Не хочу тебя никому показывать. Ты только моя», — говорил он.

Всеми силами пытаюсь вспомнить, где я могла видеть эту особу, что так усердно цепляется за моего мужчину. Он ведь мой. Внутри разгорается дикий страх. А что, если я и правда всё себе придумала? Что, если для него перерыв в отношениях — ничто иное, как окончательный разрыв? Появившись на людях с этой девушкой, он подтвердил наш с ним разрыв. От этих мыслей живот начинает скручивать до противной тошноты. С трудом отвожу взгляд от лица блондина и бросаюсь в сторону раздевалки. В ушах лишь собственное дыхание и стук сердца. Он ведь не мог начать отношения с кем-то другим, пока между нами ничего не решено? Он ведь не перестал испытывать ко мне то, о чём так гром-

ко кричал? Он говорил, что любит меня. Возможно ли разлюбить за два месяца? Нет. Но только если ты действительно любишь. С этими мыслями я заваливаюсь в душевую, тут же открывая кран с холодной водой. Тошнота всё ещё скручивает мой живот, и мне кажется, что меня вот-вот вырвет. Неужели всё это время я жила иллюзией? Как глупая дура, ждала его возвращения в свою жизнь, а он давным-давно начал новую, без меня. Эти мысли вызывают лишь густые волны злости. Неужели всё, что было между нами, всё то, что нам пришлось пережить вместе, теперь можно забыть? Просто взять и забыть?! Мои глаза застывают на шраме, ещё не потерявшем розовый оттенок, и злость перерастает в ярость. Я лишилась части селезёнки, почти лишилась рассудка, лишилась ребёнка — и всё это ради чего?! На кого мне сейчас стоит злиться больше? На него — за то, что так легко меня отпустил, или на себя — за то, что сама подтолкнула его к этому? Совершила ли я ошибку, уйдя от Егора? Каждый день я задаю этот вопрос в пустоту, не получая ответа. Тогда я снова и снова убеждаю себя, что другого выхода у меня не было. Оставь я всё как было — мы бы с грохотом расстались. Егор когда-то влюбился в жизнерадостную девушку, пылающую амбициями и энергией. Она не боялась внешнего мира, ей его было мало! Он влюбился в ту, что не нуждалась в постоянной поддержке и заботе, словно инвалид. Та Алиса была сильной и уверенной в себе девушкой. Из реанимации вернулась другая Алиса, которую бы Егор вскоре начал пре-

зирать. Опередив его в этом, я должна была привести себя в порядок.

«Он не уделял тебе внимания, воспринимал как должное», — ехидно шепчет внутренний голос.

Я зажмуриваюсь, представляя, как его руки касаются этой блондинки. Нет. Хватит.

Я открываю глаза и смотрю на себя в запотевшее зеркало. Ярость вытесняет жалость. Я больше не та Алиса, которая когда-то была его тенью. Я — другая. И если он решил, что может просто забыть... что ж, он сильно ошибается.

Я снова подставляю лицо под ледяную струю. Хватит слёз

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.